

И. НЕЛАН

/перевод с немецкого В.М./

х х х

Вверху бесчально
странствующие: корзун и звезда.
Внизу, следом за всеми, мы,
числом десять, народ песка! Время,
а почему бы и нет, есть у него
один час и для нас, здесь
в городе песка.

/Расскажи про колодцы,
про колодезный круг, колодезное колесо,
колодезную горницу - рассказы.

Считай и рассказывай, время,
оно тоже истекает.

Вода: что за
слово: мы понимаем тебя, жизнь/.

Чужой, откуда, незнаний,
гость.

Его влажное платье.
Его влажный глаз.

/Расскажи нам про колодцы, про-
считай и рассказывай.

Вода: что за
слово/.

Его платье-и-глаз, он стоит,
как мы, глухая ночь, он проявляет
благородство, он считает теперь,
как мы, до десяти
и не более.

Вверху,
странствующие
остаются
неслышими.

ГОВОРИ И ТЫ

Говори и ты,
говори, как последний,
скажи свое слово.

Говори —
но Нет не отдалай от Да,
придай слову твоему смысл:
дай ему тень.

Дай ему вдоволь тени,
дай ему столько,
сколько ты, разбросанный вокруг себя, знаешь
меня полночью и полднем и полночью.

Оглянись вокруг:
смотри, как оживает все —
в смерти! Оживает!
Есть ли слово того, кто говорит тенями.

Но вот то место, где ты становишься, уменьшается:
куда теперь, оголенный тенью, куда?
Поднимался. Наоцупь лежь.

Ты истокшился, изучавшись становишься, тонок!
Тонок: нить,
по которой она, звезда, хочет спуститься,
чтобы внизу плыть, внизу,
где она видит себя мерцающей: в энби
скользящихся слов.

ЧЕРНЫЕ ХЛОПЬЯ

Выпал снег, сумрачно. Месяц уже
или два, как осень под монашеской рясой
мне тоже принесла весть, листок с украинских
склонов:
"Представь себе, что и здесь наступает зима выше
в тысячный раз,
в краю, где течет широчайший поток:

Какова небесная кровь; благословенная гонорами...
О лед неземной красноты - их гетман бредет
с казаками в моринущих солнцах... Дитя, ах платок,
чтоб закутаться мне, когда шлемы сверкают,
когда эта глина розовая трещит, когда снежной пылью
рассыпается скелет

твоего отца, разстоптаны копытами
песнь о кедрах...

Платок, платочек вот только узкий, чтобы сберечь
теперь, когда ты учишься плакать, тесноту мира
рядом со мной, который никогда не зазеленеет, дитя
мое, для твоего ребенка!"

Осень кровью текла с меня, мама, снег жег меня:
искал я сердце свое, чтобы им плакать, находил я
дыханье, ах, того лета.

Было сно, как ты,
Приняла слова. Ткал я платочек.

ДВОЙНИЙ ОБРАЗ

Позволь твоему глазу быть свечой в каморке,
взгляну - фитилем,
позволь мне быть склоним настолько,
чтобы фитиль захочь.

Или нет.

Позволь, пусть будет по-иному.

Из дому выйди,
зареги погуд лошадь мечты,
позволь ее копытам заговорить
со снегом, который едула ты
с гребни моей души.

В ЕГИПТЕ

Ты должен глазу чужой сказать: стань водой.

Ты должен тех, кого знаешь в воде, искать в глазу
чужой.

Ты должен звать их из воды: Руфь! Ноэми! Ириам!

Ты должен их украшать, когда лежишь у чужой.
Ты должен их украшать облаком волос чужой.
Ты должен сказать Руфи, и Мирiam, и Ноэми:
Глядите, я сплю у нее!
Ты должен чужую подле себя красивее всех украсить.
Ты должен ее украсить скорбью по Руфи, Мирим и Ноэми.
Ты должен сказать чужой:
Гляди, я спал у тех!

ОГНЕНИЙ СЛЯД

Мы больше не спали, мы лежали в часовом механизме
тоски,
и стрелки сгибали, как прутья,
и они отлетали назад и время хлестали до крови,
и ты говорила густевшими сумерками,
и сто раз сказал я Ты ночи твоих слов,
и она разверзлась и осталась раскрытой,
и глаз один я вложил в лено ночи, а другой вплел в
твой волос
и заданным внутром протянул между ними вскрытые вены
и юная молния подпрыгала.

КУВШИНЫ

За длинными столами времени
нируют Божьи кувшины.
Они пьют глава зрячих до дна и глава слепых,
сердца властительных теней,
впадные щеки вечера.
Они - могущественнейшие из пьяниц:
они подносят ко рту пустоту, словно наполненность,
и не понятся через край, как ты или я.

Х Х Х

Теперь уже не та,
иногда вместе с тобой

негружающаяся во время тяжесть, а
иная.

Теперь это вес, который сдерживает пустоту,
сознательную тебе.

У него, как и у тебя, нет имени. Может быть
ты одно и то же, может быть
ты и меня назовешь иногда
так.

ХХХ

Непальский ореол
за твоими потрясанными и связанными
руками у троенутых.

Понтийское никогда: здесь,

когда

затонувшей лопатке ресла,
глубоко

в окаменевшей клятве
промедлит.

/На отвесном
канате дыхания,
 выше верха,

между двумя узлами боли, когда
сверкающий
татарский месяц к нам, высыпь корабкался,
и зарывал себя в тебя, в тебя./

Непальный

ореол

за зами троенутые -
руки.

Это перед вами, с Востока, хребт
брошенный ужасен.

Никто

не свидетельствует
свидетелям.

Ты можешь спокойно
угощать меня снегом:
всякий раз, когда я плечом к плечу
с шелковицей шагал сквозь лето,
кричал ее самый рый
хист.

Х Х Х

С О А С И А

Твоя тоже
рана, Роза.

И свет рогов
твоих румынских буйволов
вместе звезды над
несченой постелью в
говорливых красно-
шерстяных огромных
печатках.

Х Х Х

Ните солница
над темной пустынностью,
мысль,
высокое дерево
вспирает звук света: есть
еще песни, чтобы петь по ту сторону
людей.

Х Х Х